

Ондржей НЕФФ

Фантастическая повесть

Где-то в начале февраля Совет решил послать commodора Фукуду в далекий космос — за пределы шести тысяч парсеков. Надо взглянуть на календарь, чтобы выяснить, какой это был день недели. Запомнилось, что в тот день противно моросил дождь и Милушка, моя жена, была в отвратительном настроении. Когда я сообщил ей новость, она заметила:

— Значит, опять будешь отсутствовать пять недель, и все домашнее хозяйство останется на мне.

— Никто не говорил, что именно мы будем прикрывать Фукуду.

— Рассказывай! Не надо из меня делать дурочку. Будто я не знаю! Фукуда первым пересечет границу шести тысяч парсеков! Трепещи, планета! А уж ликования-то будет! И чтобы ваша команда профилов упустила такой шанс? — Она говорила зло, язвительно, будто «профик» — бог весть какое ругательство. Конечно, если откровенно, то раньше так оно и было. Лет шесть назад Сеть располагала дюжиной репортерских групп. У некоторых был номер, у других прозвища: Бродяги, Мерзляки, Неудачники, Оранжеды и т. п. Мы долгое время работали в качестве Выездной группы информационного пластивидения № 8, пока кто-то не обозвал нас Профкомандой. В том смысле, что нам море по колено и куда всем до нас. Мы сначала выходили из себя. Ярда Боухач — наш осветитель — ходил весь в синяках и шишках, так как был скор на расправу, но ведь не каждый реагирует на оскорбление так прямолинейно. Когда о кличке узнал Ирка Ламач, наш режиссер, то привел всю нашу компанию к себе в кабинет и произнес речь:

— Что-то нас стали называть Профкомандой. Ага, и вы в курсе. У Ярды под глазом монокль, Ирина вся зареванная. Напудри нос, да поскорей, на тебя смотреть страшно! Так вот что я вам скажу, уважаемые: мы действительно Профкоманда!

© «Искатель» (перевод на русский язык)

ONDREJ NEFF: Návrat na planetu Zemí (Praha, Svoboda, 1985).

Он, конечно, комедию перед нами ломал, но умело. Делал многозначительную паузу, впиваясь в каждого пронзительным взглядом, пока тот не опускал голову. И так по очереди. Хоть глаза у Ламача были невыразительные, серо-голубые, будто выцветшие.

— А я сегодня уже троим съездил по физиономии из-за Профкоманды, — заметил Ярда Боухач.

— Ярда прав, — всхлинула Ирина Попеляржова, наш гример, — подам заявление по собственному желанию и перейду в дамскую парикмахерскую! Чтобы в моем возрасте такое выслушивать?

— Успокойся, Иринка, и я бы с радостью ушла, но какой в этом смысл? — возразила Люда Мисаржова, звукорежиссер. Все что-то говорили наперебой, но тут Ирка Ламач снова взял слово:

— Зайдем с другой стороны. Почему Двадцать восьмая галактическая отвергла Щеголей, а коммодор Свен Хильstrup лично просил Совет послать с ним нас?

— Потому что Щеголи опозорились на планете Фиолетовых призраков, — ответил Ондра Буриан.

— Верно. Полетели мы, и успех был такой, что через три месяца после возвращения об этом еще говорили. Дальше: когда коммодор Йован увяз на планете Кипящего ила, и Неудачники утопили вдобавок всю телеаппаратуру, кого позвали на помощь?

— Нас, — сказала пластик Эва Элефриаду. — Зрители получили пластическое изображение на экранах, квадразвук и впридачу запись запахов.

— Позвали нас, — повторил Ирка Ламач, — и так можно еще долго вспоминать. Мы работали на планете Умертвляющего тумана. Наша команда довезла экспедицию в туманность Шутовского смеха. Все отказались от планеты Фантомов, а мы скорее собрали чемоданы, и в результате?..

— Блестящий успех, — хором ответило несколько голосов.

— Так разве мы не заслужили название Профкоманды?

Мы молчали, а режиссер продолжал:

— Почему нас назвали Профкомандой, а не Пачкунами, Жлобами, Обжорами, Пронырами, Занудами или как-то еще? Я вам объясню. Потому что нам не подходит ни одно прозвище, кроме Профкоманды. Сам знаю, что нас так прозвали недруги. Но мы и тут их обойдем. Короче, я принимаю прозвище и не желаю больше видеть моноклей под глазом и красных носов.

С тех пор прозвище так и осталось за нами. Злопыхатели наверняка кусали себе локти от того, что их выдумка обратилась против них самих. Тот, кто выдумал его, вместо того чтобы навредить, на самом деле сделал нам хорошую рекламу. Мы получали лучшие заказы. Нормальный, средний зритель пластивидения и не представлял себе, сколько закулисных интриг и зависти вызывают передачи. С каждым годом становилось все хуже. Совет затягивал ремешки потуже. Галактические экспедиции дорожали, ведь ближний космос перестал развлекать, и каждый коммодор настаивал, чтобы его послали в неизвестную

Художник Александр ЧЕРЕНКОВ

пластизрителям область. Такой полет стоил огромных денег. Никто не хотел лететь на Сириус или Альдебаран — результат такой экспедиции уместался в двух строчках, произнесенных диктором ночного выпуска новостей. Совет сосредоточился на дальнем космосе и ограничил количество краткосрочных экспедиций. Последствия оказались неблагоприятными для Сети пластивидения: число передач убывало, как и объем работы для репортерских групп. Галактические асы нацеливались за пределы четырех и даже пяти тысяч парсеков, и Совет соглашался послать в такую даль не более пяти-шести лучших коммодоров: в то время элитой считались Н'Кума, Козлов, Миро, Фукуда, Петросян, а затем и Блох. Им-то и доверял Совет современные космические корабли класса люкс вроде «Викингов». В обиходе их называли пылесосами, потому что, кроме нормальных агрегатов, аккумулирующих время, на них были установлены двигатели, работавшие на межгалактической материи, которую называют еще звездной пылью.

У нашей Профкоманды никаких особых льгот в Сети не имелось, и мы даже пикнуть не смели, когда наш шеф заставлял нас простаивать по полгода или посылал на жалкую станцию к альфе Центавра. Если бы да кабы, на практике мы работали только на элиту, потому что первоклассные коммодоры хотели видеть именно нас и никого другого. И сегодня не знаю, что за этим крылось. Диспетчеры просто давали нам лучшие заказы.

Все это хорошо известно моей жене Милушке, которая не зря ворчала, что я не буду дома недель пять. И недели не прошло, как вызвал Ирку Ламача диспетчер и объявил ему, что руководство Сети решило послать Выездную группу № 8 с коммодором Фукудой за границу шести тысяч, что этим «восьмерке» оказано большое доверие, которое она должна оправдать перед Советом. Ирка слушал весь этот треп и не сводил глаз с пиджака диспетчера: а не подsunул ли ему Фукуда взятку в наградный карман? Но ничего не было видно.

В тот же день я отправился на космодром посмотреть на наш репортерский корабль. Я его любил, нашего старого верного «Поросенка», повидавшего виды, ободранного и обгоревшего после десятков репортажей. Техники вмонтировали в него новые агрегаты, аккумулирующие время, новый двигатель — такой же, как на «Викинге», чтобы не отстать от него за границей шести тысяч. Само собой, я не из сентиментальности пошел на космодром. Наша группа не имела права узнавать заранее дату полета, но она была известна техникам, готовившим корабль. На этот раз мне пришлось потрудиться, прежде чем я смог выжать из старшего техника дату: в пятницу тринадцатого числа. Я пожал плечами.

— Ну и что? В приметы я не верю с пяти лет.

И все-таки, все-таки... Ассистент шефа на ровном месте сломал ногу, и режиссер взял вместо него дублера — Петра Манфреда. Как только я об этом узнал, тут же помчался к своему непосредственному начальнику Ондре Буриану.

— Ирка повредился в уме, — говорю, — разве он не знает, какой супердурак этот Манфред?

Ондра — отличный оператор, это он научил меня всему, что я умею, а я умею не так уж мало. Но я думал, что такой мас-

тер может позволить себе роскошь иметь собственное мнение. Но он был типичным соглашателем:

— Ирка знает, что делает, — холодно произнес Буриан, и я разозлился.

— Все здание знает, что Петр Манфред — супердурак, спроси кого хочешь.

— Это зависть. Всех заедает, что Петр такой молодой, умный, способный и так быстро продвигается.

— Мы уже показали, на что способны, а он? Полгода в нашей конторе, а работает только языком!

— Потому что случай не подвертывается. Слушай, дружище, ты, по-моему, стареешь. Сам недавно был зеленым юнцом, а теперь ревнуешь к молодым. Как старый дед. Выкинь это из головы. У Ирки Ламача нюх на людей.

Выяснилось, что только мы с Ярдой Боухачем не выносим Манфреда, остальным он по душе. Как ни пытались мы настроить против него группу, ничего не вышло. Наоборот, женщины взяли его под свою защиту. Женщины вообще любят смотреть на красивых молодых парней. Людя Мисаржова утверждала, что Петр такой беззащитный, ранимый юноша. Она испытывала к нему почти материнские чувства. Наша секс-бомба Алена Ланхаммерова уверяла, что никогда не встречала более интеллигентного человека, за исключением, конечно, Ирки Ламача; по мнению же Ирины Попеляржовой, Петр был чуть ли не клубочком нервов.

Он и впрямь был красив и молод, этот Петр Манфред. Его обаятельная улыбка, сердечный смех могли подкупить всех, кроме меня и Ярды Боухача. Густые волнистые волосы покрывали его голову жестким черным шлемом. Мне даже показалось в первый раз, что теннисный мячик отскочил бы от них, не коснувшись темени. Брови и глаза у Манфреда тоже были черными. Сейчас я уже смутно помню его лицо. Он был атлетом, но лицо не казалось изможденным и костлявым, как у спортсменов. Наоборот, пухлые щеки скорее напоминали персики. Благодаря им и энергичному подбородку с ямочкой он выглядел совсем не слабаком.

Вы думаете, что мы с Ярдой ревновали? Да, мы не красавцы. Ярда — толстый, с перебитой переносицей и похож на медведя; я тощ и долговяз, а кроме того, с двадцати пяти лет имею плешь. Островок волос случайно остался на лбу, нос уныло свисает, как банан. Но поверьте, с ревностью наши чувства ничего общего не имели. Мы не выносили Манфреда еще до того, как ассистент Ирки сломал ногу. И парни из операторской, электронщики и робототехники тоже. Все это люди, знающие свое ремесло и стоящие в стороне от дворцовых интриг. С тех вообще никакого спроса, их имена даже в титрах не появятся. И все-таки спецы не любили Манфреда, и это укрепляло мою уверенность в собственной правоте. Ведь от Петра веяло презрением к нашей конторе, он всем давал понять, что попал в Сеть случайно и не собирается тут оставаться. О нем еще заговорят во всей Планетарной Федерации, он будет заседать в Совете, руководить Сетью раз в неделю: от половины десятого до десяти по средам. Он захотел, увидев нашего «Поросенка». Как это Сеть не купит вам приличную тачку? Я заме-

тил, как побагровел Ярда. На нашем корабле мы проехали пол-Галактики и столько всего пережили, что Манфреду и не вообразить. Ирка Ламач терпеливо объяснял Петру, что средств не хватает, может, через несколько лет выделят и «Викинг», ведь Сеть собирается переходить на новый класс кораблей — типа «Садко». Ламачу imponировала самоуверенность Петра и то обстоятельство, что Манфред сумел полгода продержаться в таком осинном гнезде, как наша контора.

А мы с Ярдой продолжали собирать портрет Петра из мелких замечаний, оброненных словечек, улыбок и взглядов. Он был хитер и хорошо маскировался. Но однажды все-таки проявил себя. Тогда, помню, Алена, ответственный редактор, — ну та, у которой потрясающая грудь, — сказала Петру:

— Знаете, с вашей внешностью и интеллектом вы вполне могли быть космонавтом!

Манфред страшно покраснел, но тут же взял себя в руки и забормотал, что космонавтом может стать лишь человек исключительных физических и духовных качеств. Даже Алена заметила его смущение, но, к несчастью, не сделала для себя выводов. Тогда я отвел ее в сторону и сказал, что этот придурковатый Манфред наверняка бы хотел быть космонавтом. Но Алена рассмеялась мне в лицо.

Ах, Алена, куда делся твой ум? Ведь ты одна сумела бы убедить Ирку, что такой тип, как Петр, не подходит для Профкоманды. До сих пор не понимаю, как она могла настолько поглупеть! Из этого надо сделать вывод: и отличная баба — всего лишь баба, нельзя на нее положиться так, как на мужика. С другой стороны, следует признать, что самым большим идиотом во всей этой истории выступает Петр Манфред; и отсюда еще один вывод: конечно, женщина может легко сделать глупость, но по-настоящему беспредельный идиотизм — все-таки мужское дело.

Мы стартовали, значит, в пятницу тринадцатого. В 2445 году первая пятница тринадцатого пришлась на март. Не стоит и говорить о том, что перед самым носом «Поросенка» дорогу нам перебежала черная кошка. На борту нас встречал Венца Мадр, обычный рейсовый пилот, никакой не коммодор или капитан первого класса. При нем была та же веселая компания, которая возила нашу команду ко всем чертам бог знает сколько раз. На космодроме никто нас не провожал, да и с чего бы? Кого интересует старый ободранный «Поросенок» и стая матерых телеволокв? Вот через пару дней, когда будет стартовать Фукуда, поднимется великий шум. Впрочем, «Викинги» не стартуют с такого убогого космодрома, которым располагает наша Сеть. Позднее, когда события развернулись так, как развернулись, все в один голос утверждали, что очень нервничали на старте из-за дурных предчувствий. Болтовня! Кроме меня да Ярды, все шутили и улыбались Петру Манфреду, который оказывался в пяти местах одновременно, острил, пел, играл на окарине, рассказывал Алене о психологии растений, а Люде — о привычках своей мамы. Только мы с Ярдой чуяли неладное.

Миновав орбиту Плутона, Венца Мадр перешел на аккумулярованное время, которое использовалось в качестве топлива. Манфред поувял, все дивился, почему это, мол, корабль так

швыряет? Чего ему стоило сохранить улыбочку на лице, когда я ехидно объяснил, что такие космолеты, как наш «Поросенок», путешествуют по кривым времени нерегулярной сгущенности, в то время как более приличное топливо предназначено для могучих двигателей галактических крейсеров. Венца Мадр из кожи вон лез, чтобы смягчить толчки. Манфред, опытный спортсмен, вскоре приспособился к качке. Напрасно я надеялся, что новичок помучается космической болезнью и утратит репутацию сто-процентного супермена. Он проводил большую часть времени у экрана пластивидения и все крутил старые записи. Алена сидела рядом, касаясь Петра щиколоткой, и рассказывала ему, где мы были и что видели. Манфред оказался очень любопытным, спрашивал о славных корифеях «Галактических исследований» и пришел в восторг, узнав, что мы начинали с Харрисоном.

— Харрисон! Это мой идеал! Я до сих пор ношу с собой его фотографию... — Вытащив из кармана портрет, он с благоговейным видом показывал всем его. Никто не сказал, что мы были с Харрисоном на «ты» и что однажды на обратном пути, сделав остановку на Ганимеде — там как раз проходил съезд эмансипированных женщин в гостинице «Голубая звезда», — мы... Ладно, оставим старые истории.

Время шло быстро и приятно, вскоре позади осталась граница четырех, а потом и пяти тысяч, и Венца начал тормозить, поскольку на отметке шести тысяч предполагалась первая остановка. Мы с Ондрой Бурианом установили по всей трассе полета Фукуды трансляционные автоматы. Самое трудное — закрепить такой автомат, чтобы он не затерялся в безвоздушном пространстве. Кто имел дело с этим, поймет, о чем я толкую. Вдобавок тамошняя область не исследована в отношении гипергравитации. Но Венца Мадр — настоящий кудесник, он помог найти отличную гравитационно-временную аномалию стабильного типа, на которую можно было опереться. Сюда через пару дней прилетит Фукуда, произнесет обращенную ко всему населению Земли речь по случаю преодоления еще одного порога человеческих возможностей и почтит память павших героев космоса. Это будет шикарная речь. Фукуда мастак держать речи, расцвеченные изысканно-восточными оборотами. Только начнет, и как будто водопроводный кран повернули: из глаз миллиардов пластизрителей текут слезы. При одном условии: что трансляционный автомат будет перед этим установлен нашей Профкомандой.

Манфред высунулся было с какими-то идеями насчет закрепления автомата, но Ирка осадил его. Впервые за весь полет. Поумнел, что ли, видит, какую змею пригрел на груди? Лучше поздно, чем никогда, и чем раньше образумится режиссер, тем лучше. За шеститысячной границей тянулась галактическая пустыня. Звездные карты оказались ни к черту, ведь на них были обозначены лишь самые крупные и важные объекты, совершенно бесполезные для пластивидения, поскольку к ним и приблизиться-то нельзя, не то что снять веселенькое шоу. Ирка Ламач созвал всех на совещание, которое называется летучкой, а почему — никто не помнит.

— Надо бы хорошенько оглядеться. Есть идеи? — И он повернулся к Алене — большой специалистке в этой области.

— Жуткое место, — сказала она, — пес и тот с тоски подох-

нет. Мы можем действовать в пределах двадцати пяти парсеков, на большее средств нет. Но, судя по всему, в этом секторе нет ничего, что стоило бы выеденного яйца.

— А, скажем, та нейтронная звезда? — Ирка задумчиво постучал по карте, составленной компьютером наспех.

— Зрители на смех поднимут, — возразил я, — нейтронная звезда проходила минимум пять раз, последний — с Харрисоном на планете Пяти тайн.

— Отличное место — планета Пяти тайн, — подал голос Петр Манфред, — коммодор Харрисон в тот раз получил Бриллиантового Орла Галактических исследований.

— Да, третьего по счету, — подтвердила Алена, — но до чего ж трудно было выбить его у Совета. Старый трюк: награда превратит провал в успех. Но Фукуде Совет просто так Орла не даст, у него их уже четыре.

— Четыре Бриллиантовых Орла, — прошептал побледневший от волнения Манфред, — обалдеть можно...

— Ладно, поехали дальше, — нетерпеливо прервал Ирка, — имеется одна черная дыра, облако праматерии, угасающая сверхновая система из пяти звезд. Планеты какие-то мотаются.

Не удержавшись, я зевнул. Сонная выходила летучка.

— А как вам нравится этот белый карлик? — предложил Манфред. — Семь планет на орбите. — Голос у него слегка дрожал. Он робел. Знал, что это очень важное совещание, хоть и сонное. Таким дураком он не был, чтобы не знать. От летучки зависит успех или провал всей передачи.

— Чего ты ожидаешь от него? — холодно спросил Ирка Ламач. Мы с Ярдой обменялись взглядами. Ага, шеф просек наконец этого соплика. Жаль, не перед стартом.

— Может, там найдется планета земного типа, — позорился Манфред.

— С внеземной цивилизацией, не так ли?

— Совершенно верно! — воскликнул Манфред. Люда Ми-саржова добродушно рассмеялась.

— Петя-петушок, что-то тебя занесло. Не читай на ночь комиксы.

— Давайте серьезно в конце концов, — секс-бомба Алена на работе превращалась в настоящего мужика.

— А что, идея не из последних... Планета земного типа... — медленно повторил Ирка Ламач.

— Шеф, да ты серьезно?! — Алена оглянулась на нас, ища поддержки. Звукорежиссер Петра Плавецка смеялась:

— Давно я так не веселилась. И во сне присниться не могло, что наяву еще раз услышу бородатый анекдот о планете земного типа с внеземной цивилизацией. Галактические исследования покончили с зелеными человечками, когда я была еще девчонкой. Эх, давненько это было, а жаль... — У нее был приятный низкий голос. В молодости она слыла красавицей, она и сейчас выглядела отлично, держала себя в форме.

— Ну и что? — настаивал Манфред. — И мне известно, что профессор Робине доказал, что внеземные цивилизации не существуют. И я знаю закон Иоганссона. Но вот вопрос: кто и когда в последний раз проверял его правильность?

— А не надо проверять, — медовым голосом ответил я, —

закон есть закон. Кто полезет в ванну проверять закон Архимеда?

— При супергравитационных аномалиях закон Архимеда не действует, — парировал Петр. Хитер, как лисица.

— Что это за аномалии, при которых не действует закон Иоганссона?

— Не знаю. Надо разобраться.

Что на это скажешь? Тут шеф должен поставить точку, затем он и нужен. Выгнать Петра Манфреда за дверь. Летучка устраивается для взрослых, которые совещаются о серьезных делах. К общему изумлению Ирка Ламач заявил:

— Нравится мне эта идея, Планет земного типа давным-давно никто не исследовал. Молодое поколение вообще не видело подобной передачи. Сенсация для молодежи: проверка правильности закона Иоганссона!

Итак, шеф сказал свое слово. Алена спросила:

— Какое название дадим передаче?

— Скажем, «Эксперимент на Третьей планете».

— Сдается мне, какая-то книжка так называется.

— Неважно. Итак, летим на Третью планету белого карлика. Надеюсь, Венца Мадр не расколотит нашу лохань при посадке.

Не расколотил. Посадил «Поросенка» на узкую прогалину меж двух холмов. Мы вздохнули с облегчением, услышав, как моторы взвыли в последний раз и смолкли. Загудели холодильные агрегаты. Полуослепшие экраны мониторов в командирской секции без всякого воодушевления показывали нам, что делается снаружи. Наводящий унылые пейзаж: невысокие холмы окружают долины, плоские, как тарелки. На склонах какая-то растительность, а может, экран просто затуманился.

— Тридцать два процента кислорода, шестьдесят один процент азота, шесть процентов окиси углерода, а... — Венца собрал состав атмосферы.

— Однако можно дышать, — заметила Алена. — Что скажет Фукуда? У него новейший тип скафандра с парабактериальными батареями. Наверняка у коммодора чешутся руки заняться этими скалами.

— Останется в скафандре. И пусть себе на здоровье выворачивает, — сказал Ирка Ламач. — Зрители же не узнают, что тут атмосфера пригодна для дыхания.

— Да, но скал что-то не видно.

— Сделаем скалы. Веня, слушай: фукудовский «Викинг» приземляется тут слева. Долина узковата, так что снеси холмы, они мне мешают. Нужен романтический пейзаж, понятно? Справа расположим отвесные скалы и, может быть, пещерку. Зрители их обожают. Слева — пропасть, но чтоб была порядочная пропасть, ясно? Клубы тумана поднимаются со дна, пещера скалится, как череп. Передача без пещеры — нуль. Небо чересчур синее. Черт знает что, а не цвет, все будут смеяться над нами. Сделаем, значит, фиолетовое с коричневатым оттенком.

Венца Мадр внимательно слушал и делал пометки. В командирском отсеке царил напряженная творческая атмосфера. Режиссер дальней трансляции — артист, величайшим напряжением сил созидаящий сцены будущей передачи. Ондра Буриан

стоял рядом и посматривал на экран. Прищурившись, он пытался представить, как все это будет выглядеть, прикидывал, куда поставить камеры. От фантазии этих двоих зависит не меньше половины успеха нашей передачи. После того, как Ирка закончил, Венца вполголоса повторил основные пункты по своим записям, затем, когда Ламач кивнул, вылез по узенькой лестнице в энергетический центр, располагавшийся в носу корабля, и принялся за дело. Я всегда с удовольствием наблюдаю за подготовительными работами. Изумительное зрелище. Вот и сейчас волны силового поля гудели в долине. Растительность сгорела от первого же их прикосновения, почерневшая земля расступилась, и на поверхности показались скалы. Небо над пляшущими холмами потемнело, и какие-то твари с длинными крыльями в ужасе улетели. Воздух звенел, и вскоре перед нами, враждебно оскалившись крутыми скалами, расстиралась дымящаяся долина, избороденная пропастями и кратерами. Скалы были сначала белые, но Ирка приказал перекрасить их под слоновую кость. В этот раз он явно отдал предпочтение потусторонним мотивам. Зловещее впечатление производил преображенный в мрачный и романтический пейзаж планеты под темно-фиолетовым небом. Я уже видел, как приземляется «Викинг». Скорее бы прилетел Фукуда. Ярда Боухач тоже ожил и занялся делом. О Манфреде мы на время забыли. Ярда был осветителем. Здешнее солнце давало достаточно света, но он оказался скучным, монотонно-белым. Однако Ярда, если хотел, умел творить чудеса. Разложив лучи энергетическим усилителем, он добился потрясающего эффекта: на фиолетовом небосводе засияли звезды, какие-то полосы и круги заметались в безумном танце. Любой осветитель остался бы доволен. Но не такой мастер своего дела, как Ярда. У него все излучало сияние. Даже из старого шлепанца он выловил бы фотоны. И пропасти изрыгали огонь, по ущельям скакали огоньки. Вскоре стало казаться, что пейзаж сделан из стекла и фосфоресцирует сам по себе.

— Отлично, парни, — похвалил Ярду и Венцу режиссер. — Теперь добавим жизни.

С этим оживлением вечно морока. Я лично считаю, что надо возить с собой всю нужную флору и фауну, но Ирка Ламач — страшный консерватор в этом отношении. Ему все равно, что некоторые группы делают парабиотическую фауну на заказ по меркам и хранят ее на складах. Наш режиссер настаивает на использовании местных источников. Не хочет рисковать. А вдруг зритель разгадает трюк? Черта лысого зритель разгадает, никто не отличит парабиотического зверя от настоящего — даже если погладишь, не отличишь. Единственное, что поможет, — живой тебя искушает, а искусственный все снесет.

Фауна и флора — Аленино царство. С растениями проще, они зрителя не особенно интересуют, побрызгаешь спреем — вот тебе мох и трава. Из биотической пены Алена могла наколдовать раскидистое дерево хоть на стальной пластине. С животными труднее. Их сначала надо поймать. Этой утомительной работой приходилось заниматься всей команде. Разбившись по двое, мы начали облет планеты на маленьких дископланах. У корабля остались лишь Ирка Ламач и Венца Мадр. Я на пару с шефом — Ондрой Бурианом — летел низко над местно-

стью и высматривал добычу. Ондра попутно все снимал. Он всегда так делал, якобы для себя на память. Раньше я верил ему, потому что знал: «Галактические исследования» не принимают рабочих кадров съемки, только официальные, показанные в передаче. А потом мне сказали, что в ГИ работают несколько отпетых психов, скупающих именно эти ленты у Ондры Буриана и других операторов космических трансляций. Хобби как любое другое. Детством отдает, конечно, но кому-то нравится.

Оставив позади романтический пейзаж «made in Профкоманда», мы полетели над однообразной холмистой местностью, напоминавшей окрестности города Бенешов. Зверья всякого было предостаточно: птицы с широкими перепончатыми крыльями и стада игривых шестиногих зверей с головами, посаженными прямо на цилиндрическое туловище. С первого взгляда ясно, что повадка у них мирная. Нам же позарез нужна хищная и опасная шельма. Зрители ждут укрощения Фукудой дикого зверя, а не кроткого травоядного шестинога. Ондра спустился еще ниже над лесом. Листья небольших деревьев были сочные, с мякотью. Вдруг что-то мелькнуло меж ветвей. «Стоп!» — закричал я. Дископлан завис: гипергравитационный агрегат собрал инерционную энергию в запасники. Шума мы не производили, и птицы с перепончатыми крыльями по-прежнему кружили вокруг нас.

В чаще прятались три больших обезьяны. Одну из них я увидел секунду назад. Я нажал на педаль, и невидимые пальцы силового поля схватили животных и подняли к нам на дископлан. Ондра не отрывался от камеры. Интересно, сколько ему платят, раз он так старается?

— Эй, сколько тебе заплатят психи из ГИ?

— Не твое дело! Откуда ты знаешь об этом?

— Да я толком ничего не знаю. Мне интересно, для чего им нужны рабочие кадры?

— Вот это мне глубоко безразлично, поверь.

Я верил. Ондра снова стал снимать бурлившую под нами жизнь: в своей извечной суматохе мелкое зверье бегало, верещало, спасалось бегством и нападало. Возвратившись к кораблю, мы обнаружили, что и команды остальных дископланов не теряли времени зря. Петра и Люда где-то у воды обнаружили великолепный экземпляр покрытого шерстью носорога — само собой, шестиногого в соответствии с местными обычаями. Венца поместил чудище в силовое поле, а Ирина Попеляржова по распоряжению Ламача стала перекрашивать носорога в небесно-голубой цвет. Зрители любят разноцветных зверей. Так принято. Небо не должно быть голубым в отличие от носорсга. Это и есть художественное творчество. Эх, стать бы мне режиссером!

Ирка обрадовался, увидев косматых тварей, которых мы ему продемонстрировали.

— Отлично, парни! Превратим их в парамыслящие существа.

— Да ты что?! — вырвалось у меня.

— Чему ты удивляешься? Я тут поработал над сценарием. События в «Эксперименте на Третьей планете» должны доказать правильность закона Иоганссона. Эти три пижона сначала

выступят в роли мыслящих существ, существование которых откроем Фукуда. Потом он сразится с голубым носорогом, а в конце выяснится, что существа только казались интеллигентными, значит, закон Йоганссона действует.

— А не чересчур смело? Что скажет Совет? А ГИ? Мне кажется, ты далековато зашел.

— Не бойся, я все продумал. Ничего они не скажут, а если начнут возражать, Фукуда их укротит. Вот тебе наглядная польза от сотрудничества с галактическими асами. Положись на меня, все пройдет как надо!

Носорогу не понравился голубой цвет, и он ревел страшным голосом. Рев заглушался гудением электрофонической аппаратуры, которую настраивала Петра Плавецка. Пейзаж должен быть озвучен — зритель это любит. А Эва Элефриаду постарается, чтобы все вокруг благоухало пряными запахами только что открытой планеты. И это зрителю будет по нраву. Бедняжка Иринка чуть снова не пустила слезу, когда режиссер приказал ей превратить наших гориллопавианов в мыслящих существ.

— Почти мыслящих, Иринка. Параинтеллигентных, самую малость. Все в меру, иначе зритель всполошится.

Обезьян отправили в примерную и без проволочек водрузили на операционный стол. Операция длилась час, после чего Ирина представила пациентов режиссеру:

— Позволь, я познакомлю тебя с этими господами: первого зовут Ян, второго — Амос, третьего — Коменский.

— Что за шутки? Откуда ты взяла эти имена? А, вспомнил: это три комика из сериала «Три раза ха-ха-ха»!

— Добрый — день — господин — Ламач! — делая паузу после каждого слова, поздоровались обезьяны.

— Отлично, Иринка, я даже не ожидал, честно говоря. Особенно этот — как его — Коменский, хорош, бандит!

— Бан — дит, — удовлетворенно повторила обезьяна, ставшая параинтеллигентной.

— Правильно. А теперь внимательно слушай, иначе я брошу тебя на съедение вон тому, — и режиссер показал на экран, на котором несчастный носорог упирался рогом в силовую стену безразличия. — О, кстати, это идея, надо записать, пока не забыл. Начнем со сцены боя между Коменским и Голубеньким, в разгар схватки прилетает Фукуда на своем «Викинге». Гениально, правда? Зрителям понравится. У меня не голова, а фабрика идей. Я, наверное, гений. — Ирка вздохнул и добавил: — Все сам, помочь некому. А ведь в моем распоряжении ассистент. Куда он запропастился, этот мальчишка?

Петр Манфред еще не вернулся. В последний раз его видели при приземлении. Выражение лица у него было недовольное, в момент разбивки на пары он исчез.

— Этого и следовало ожидать, — подал голос Ярда, — как только началась работа, смылся и теперь сачкует. Обожаю подобных типов!

— Немедленно приведите его сюда! Сию минуту!

Похоже Ирка Ламач всерьез обозлился на своего ассистента. Режиссер умел выходить из себя и метать громы. И сейчас он собирался заняться именно этим. Мы обшарили весь корабль, начиная с энергетического центра в носовом отсеке и кончая

складом запчастей к двигателям аккумулярованного времени в хвосте. Во время поисков нашлось множество полезных и бесполезных вещей, но бездельник Петр Манфред обнаружен не был.

— Он где-нибудь снаружи, — сказала Алена Ланхаммерова, порядком раздраженная, — пошел прогуляться. Он ведь романтик. Пишет стихи. Сочиняет оду восходящему солнцу чужой планеты. Что ты с ним сделаешь, когда он изволит вернуться?

— На клочки разнесу, Домой отправлю. Нечего шляться. Или так: ты, Иринка, загримируешь его под четвертого павиана. Обратоно полетит вместе с Фукудой. На нашем «Хрюше» я его не потеряю, — повернувшись к нам с Ярдой, режиссер пронзил нас взглядом бледно-голубых глаз и добавил: — Вы были правы, парни, и я прошу у вас прощения. Петр Манфред — лентяй, каких свет не видел. Уклоняется от работы — значит, не наш человек. Чужой в Профкоманде.

Мы знали, что он говорит серьезно, Ирка Ламач умел признавать собственные ошибки. С этой минуты Манфред не состоял в нашей группе. Ирка никогда не смилостивится над ним! Все молча разошлись по своим делам. К вечеру надо закончить подготовительные работы. Потом отдых. Завтра Фукуда преодолет границу шести тысяч. Этот торжественный момент мы будем лицезреть на экранах мониторов. Вскоре после этого объявится «Викинг», и начнется родео. Плохо, что не хватает одного человека в команде.

Вечер выдался сырой. Природа источала умиротворяющие ароматы. Даже носорог перестал реветь. Наверное, превратился в параинтеллигентного и понял, что рабочее время окончено и стараться сверхурочно нет смысла. Три обезьянки слонялись возле «Поросенка» с таким видом, будто с самого начала были в нашей компании. Мы разожгли огонь, пели у костра и радовались, что избавились от Петра Манфреда, который добровольно прыгнул за борт. Вернемся домой, помощник режиссера к тому времени поправится, и будем колесить по Галактике, как прежде, чтобы людям было на что смотреть по вечерам у телевизоров, в домашних тапочках и с бутылкой пива в руке. Приятно думать, что твоя работа нужна людям и что ты делаешь свою работу профессионально. Мы не считали себя гениями или героями космоса, каким возмнил Петр Манфред, явно кем-то сожранный, если он по дурости не взял с собой на прогулку энергомет. Мы не гении, мы — рядовые пластивидения. Обыкновенные трудяги Профкоманды.

Когда костер погас, мы отправились спать. На фиолетовом небе не было видно звезд, а эффектное освещение Ярды потрескивало в расщелинах скал. Голубой носорог снова заревел, и Ирина уверяла, что он рыдает. Наверное, так и было. Я бы тоже рыдал, если б меня перекрасили в голубой цвет. Мы договорились поискать Манфреда утром. Но все получилось иначе. В четыре утра, когда солнце уже стояло на горизонте, нас разбудила Петра Плавецка, дежурившая в тот момент.

— Манфред объявился! — доложила она, и ее не по-женски низкий голос гулом отозвался в репродукторах, установленных на всем корабле. Держу пари, каждый думал, как я: ну и что?

Стоит ли вставать в такую рань из-за этого мерзавца? Глаза слипались, когда Петра снова заговорила:

— Идите же сюда кто-нибудь. Ирка, слышишь? Иди сюда.

Голос дрожал или дребезжали старые репродукторы? С нашей развалюхой ничего толком не поймешь. Я влез в комбинезон, натянул тяжелые ботинки на босу ногу и пулей вылетел из дверей. Наверное, Манфред напился, негодяй, и пристаёт к Петре. Ну, парень, держись теперь. Получишь в морду с самого утра. В коридоре бухали двери кают, по лестницам топали башмаки. Все собрались в командирском отсеке. На экране ничего не было видно. Я, видимо, опоздал. Побледневший Ламач орал на нас, чтобы мы не толпились и шли наружу. Я подумал, что ему нужны свидетели великой экзекуции, но потом увидел, что и он, и Петра очень взволнованы. Что-то случилось. Минуту спустя мы стояли у трапа корабля. Ян, Амос и Коменский дружно сказали:

— С — доб-рым — ут-ром!

Но нам было не до них. По склону одного из двух холмов, охранявших нашу посадочную площадку, к нам спускалась пестрая процессия, которую, восседая на низкорослых шестиногих конях, составляла группа лиц, одетых в блестящие доспехи и пурпурно-голубые плащи. Некоторые несли желто-бирюзовые знамена с замысловатыми серебряными орнаментами. Словно застыв, они тихо плыли по воздуху над самой травой.

— С ними Петр Манфред... — прошелестела Алена.

Впереди всех, рядом с могучим всадником, закутанным в белоснежный, расшитый золотом плащ, неся Петр Манфред с гордо поднятой головой. Лучи восходящего солнца золотили волосы цвета вороньего крыла. Процессия направлялась прямо к нам. Приблизившись на пятьдесят метров, человек в белом одеянии поднял руку, и пещие с конными замерли. Шестиногие кони опустили голову и начали мирно жевать сочную траву. От них шел острый возбуждающий запах. Вельможа с Манфредом подошли к нам.

Петр Манфред был неузнаваем. Он постарел и возмужал за одну ночь. Вырос и окреп в плечах. Робостью он никогда не отличался, но теперь царская самоуверенность прямо-таки искрилась в нем, словно иллюминация Ярды Боухача. Чужаки подарили ему костюм и доспехи. Грудь прикрывал серебряный панцирь с богатой чеканкой, инкрустированный чернью. Лишь плаща не хватало — этого символа власти — да шлема на голове. Наверняка сам отказался, чтобы не закрывать свою шею. И еще один подарочек достался ему от новых друзей: на правом плече восседала птица с перепончатыми крыльями — именно того вида, который мы вчера наблюдали с Ондрой на охоте.

— Приветствую тебя, Иржи Ламач, — обратился Манфред к шефу с нелепой церемонностью, — разреши представить тебя королю страны Прааль Его Величеству Виру III. Король, перед тобой — Иржи Ламач, командир экспедиции из далеких миров.

Птица с перепончатыми крыльями потопталась, взглянула на короля и что-то проверещала. Король кивнул, снял стальную рукавицу и плавным жестом коснулся лба, а затем правой стороны груди. Мы остолбенели. Надо было, наверное, пасть на

колени и биться головой о землю, но такое поведение не пристало Профкоманде. Тем более что эти явно мыслящие существа грубо противоречили закону Иоганссона, всем законам природы, по которым развивалась деятельность человека в космосе последние триста лет с момента математически выверенного доказательства важнейшего из них. С законом Иоганссона шутики плохи, можно запросто полететь из Сети! Все это видение, фата-моргана, сонный бред. Короче, спокойствие и еще раз спокойствие, а то начнутся неприятности с Галактическим институтом! Я поймал себя на том, что наклоняю голову. Покосившись на женщин, я заметил, что они пытаются изобразить некое подобие книксена. У короля, как и его подданных, было широкое продолговатое лицо. Под маленьким носом кисточкой торчали усы, щекоктавшие пухлые губы. Брови начисто отсутствовали, и большие, слегка косившие глаза золотистого цвета без белка производили жутковатое впечатление.

— Король Вир III приветствует тебя, — проскрипела птица, восседавшая на плече Манфреда, — он позволяет тебе говорить.

Всеобщее смятение прервала Петра Плавецка, по-прежнему дежурившая в командирском отсеке и наблюдавшая происходящее на мутных экранах. В репродукторе над входом раздался ее голос:

— Фукуда на связи!

Мы дружно взглянули на экран ручного пластивидения. Это безусловный рефлекс пластивизионщика. Без наручных пластивизоров никто из нас не уснет. Даже если настанет конец света, даже если появится король инопланетян, нарушивших закон Иоганссона о неповторимости развития разума в космосе, мы в первую очередь обратим взоры на ближайший экран, на котором идет Наша Передача.

Фукуда как раз преодолевал шеститысячный рубеж. Он был великолепен, как всегда. Стоя с раскинутыми руками, являл собой совершенство в шелковой униформе звездного коммодора со знаменем Свободного сообщества людей за спиной, он всем своим видом излучал силу и счастье. Его речь должна была тронуть зрителей пластивидения до слез:

— Братья и сестры, я обращаюсь к вам из глубин космоса, куда человеческий разум донес знамя прогресса. От имени вас всех я продолжу путь. Это вы в моем лице стоите сейчас на пороге неизведанного, смотрите моими глазами в холодные космические дали. Какие преграды ждут нас? Я пока не знаю этого. Но я заверяю вас: ваша поддержка — источник мсей силы! Верьте: я готов!

Автомат переключился на камеры снаружи, и мы увидели «Викинг» в полном великолепии — этакий старинный собор, отражающийся в зеркальной глади озера и окруженный искрящимися выхлопами двигателей. Ирина Попеляржова, само собой, прослезилась от волнения.

— Коммодор в форме, — прошептала Алена Ланхаммерова, — шикарная выйдет передача. Сенсация, во всех округах с пару недель будут говорить только о ней.

Экраны потемнели, и это вернуло нас к действительности. Мы всё так здорово продумали, передача вышла бы что надо, если б не этот подарок.

— Я понял, что к нашей планете приближается еще один ваш летательный аппарат, — сказала птица-переводчик, — мы готовы вести переговоры и об этом. Но сейчас надо заняться спорными вопросами.

— А именно? — спросил Ирка Ламач.

— В первую очередь возмещением ущерба!

Король Вир III с серьезным видом поклонился, после чего указал на пейзаж, с таким полетом фантазии подготовленный нами для съемок.

— Пострадавшую от вашего вмешательства долину следует привести в первоначальное состояние, заплатить за нанесенный ущерб, восстановить цвет носорога, извиниться перед обезьянами и вернуть им шерсть, — в крайнем возмущении тараторила птица. Счастье Манфреда, что он был закован в железный корсет, иначе птица растерзала бы ему плечо.

Ирка Ламач побагровел:

— Что это за разговоры? Готовится прямое включение. Мы — выездная группа информационной программы пластинидения, находимся тут по поручению Института галактических исследований. Господин Манфред, объясните же господину королю...

— Вы явно не понимаете суть происходящего, Ламач, — холодно прервал его Петр Манфред, — Его Величество не собирается вести переговоры. То, что вы слышите, не просьба, а приказ. Все решено.

Режиссер повернулся к королю и усмехнулся:

— Сильно сказано, не так ли?

Бывший дублер ассистента режиссера прошептал что-то птице-переводчику, которая тут же перевела все королю. Ирка Ламач бросил взгляд наверх, к носу корабля, откуда сидевшая на высоте восьмидесяти метров Петра Плавецка видела и слышала все происходящее. Наш «Поросеночек» не мог, конечно, соперничать с такой машиной, как «Викинг», но и его источников энергии хватило бы, чтобы продырявить насквозь эту жалкую планету. Петра — не новичок, она наверняка давно держит на прицеле всю местную шуштуру и, когда понадобится, так поддаст жару, что корслишка пожалеет о своем рождении. О ренегате Петре Манфреде я даже говорить не желаю.

И тут произошло нечто. Ни король Вир III, ни его свита даже не пошевелились, слова не произнесли, но наш корабль вдруг поднялся на стометровую высоту, перевернулся и нацелился носовой частью в землю. Потом опустился. Никому из нас не приходилось видеть, как космический корабль балансирует на носу, и я пожалел бы «Поросенка», очутившегося в нелепой позе, если б страх не сковал внутренности. Я понял, что король Вир III и его люди — не беззащитные младенцы, а нам не сыграть в этой стране роль сахибов, раздающих блестящие зеркальца. Эта демонстрация силы опустила наше мнение о себе на нулевую отметку, и началась вторая фаза переговоров, в которой мы были не только слабой стороной, но вдобавок и провинившейся. Ничего путного на ум не шло, кроме мысли о том, какво там Петре в командирской секции. Что творится на борту, когда корабль стоит вверх тормашками? А наши запасные камеры на складе? Во мне нарастала злость на Петра Манфреда и Ирку Ламача, взявшего этого

иду в группу. Придется сматываться. Профкоманда поднимет лапки кверху. В первый раз передача не состоится. Фукуда лишится пятой бляшки. Что с нами сделает Совет и ГИ, лучше не думать. Попробуй докажи им, что Вира III с его народцем мы не высосали из пальца. Все равно вся вина падет на нас.

— Как же передача? — робко спросил Ирка Ламач.

— И речи быть не может, — ответил Вир III устами, то есть клювом своего переводчика.

При этих словах «Поросенок», казалось, дернулся, голубой носорог взвыл с упреком, а Ян, Амос и Коменский, параинтеллигентно усмехаясь, хором повторили:

— Ре-чи быть не мо-жет.

— Может, я и знаю, как выйти из этой ситуации, — вдруг заговорил Петр Манфред. Тон его удивил нас. Чванство исчезло, появился оттенок неуверенности. Заикаясь, этот желторотик проговорил: — За несколько часов я сникался авторитет и положение при дворе Его Величества. Ни он, ни его люди, называющие себя ямнитами, не ощущают к нам вражды. Грубое вмешательство в местную природу рассердило их, но это всего лишь недоразумение, которое легко устранить. Надо возместить ущерб и вернуть пейзажу его первоначальный вид. Да они и против передачи ничего не имеют. Правда, при одном условии.

— При каком же? — спросил Ирка Ламач.

— Вы убираете Фукуду, а на экране в качестве первооткрывателя инопланетной цивилизации выступаю я,

Размышляя сегодня об этом, я прихожу к выводу, что у Петра Манфреда была, скорее всего, тяжелая наследственность. Мания величия параноидального типа. Проверить это невозможно, да и не нужно. Следующие эпизоды выглядели настолько комично, что я вспоминаю о них с удовольствием. Чего стоило, например, выражение лица commodора Фукуды, кавалера четырех Бриллиантовых Орлов, когда мы с Иркой Ламачем вошли в командирский отсек его «Викинга». Двигатели в тот момент всю аккумулялировали время, и, если вы хоть немного разбираетесь в космонавтике, можете представить себе, что в определенном смысле корабль находился вне пространственно-временных связей. Его скорость, точнее, параскорость во много раз превышала скорость света, и пилот корабля менее всего мог ожидать неожиданного визита. Именно это мы пытались втолковать Виру III, когда он предложил переправить нас на борт «Викинга», чтобы мы попробовали там договориться с Фукудой.

— Его Величеству непонятно, зачем тррратить время на пустые ррразговоры, — изрекла птица-переводчик, — рррешение давно прринято.

Мы уже поняли, что жители Прааля обладают силами, не укладываемыми в наши физико-технические представления. Окончательно убедил нас фокус с «Поросенком», который снова принял исходную позицию. Трюк был необыкновенный: на борту перевернутого корабля сохранилась гравитация! Даже вода не вылилась из вазочек с цветами, с камерами на складе ничего не случилось, в отсеках я застал тот же идеальный порядок, который оставил, уходя. Но даже самые эффектные штучки с

гравитацией не сравнить с посещением космолета в момент аккумуляции временных двигателей. Тем более что в Праале не существовало космических кораблей. Король предполагал, что мы нанесем визит не в скафандрах, а в рабочих комбинезонах, будто речь шла только о прогулке, а не о фантастическом путешествии в космосе.

Я попытался сделать невозможное: объяснить королю принцип действия временных аккумуляторных двигателей, который и сам не понимаю. Однако король слушать не стал, а совершил какое-то действие, в результате которого мы с Ирккой Ламачем оказались в помещении, ведущем в командирский отсек, где находился в данный момент Фукуда. Понстине королевский этикет: не смущать Фукуду неожиданным появлением прямо в кабинете. Вдруг коммодор занимается чем-то недостойным: зевает во весь рот или колукает в носу? Мы торчали у дверей, пока Ирка не опомнилась и не постучал. Фукуда машинально произнес: «Войдите», и вот мы уже смотрим на его перекошенное ужасом лицо. Бедняга коммодор выглядел довольно бледно. Йоширо Фукуда в трусах и в майке сидел за столом, курил дешевую сигару и читал сказку о фее, жившей в стволе сакуры. Мы, пластивизионщики, надрываемся внизу на планете, а этот пижон устроил себе курорт! С минуту мы тарашились друг на друга, потом коммодор побагровел и закричал:

— Вы за это ответите!

После чего герой космоса разразился проклятьями, из которых мы поняли, что он принял нас за «зайцев», тайком пробравшихся на корабль и спрятавшихся в машинном отделении или в костюмерной. Когда Фукуда приутих, Ирка попытался объяснить ему, в чем дело. Буря загремела с новой силой, пока коммодор не осип. С трудом успокоившись, он прошептал:

— Повторите еще раз!

— На планете Трувия мы вошли в контакт с вреземной цивилизацией. Закон Иоганссона неправилен, шеф.

— Он должен быть правильным. Это же основа основ школьного обучения: космос лишь в малой степени бесконечен, в нем не могут существовать целых две разумных расы! Ведь Иоганссон все подсчитал!

— Судя по всему, однако, Вселенная довольно-таки бесконечна, — возразил Ирка Ламач.

— Это вы объясняйте Совету и Институту галактических исследований, — язвительно сказал Фукуда, — наживете кучу неприятностей.

— Знаем, шеф, — с видом мученика ответил Ламач, — но и вы наживете. Вас ждет в лучшем случае роль статиста, — и он рассказал все по порядку.

— Даже мысль такую нельзя допустить! — снова обрел голос славный покоритель космоса. — Что скажут мои поклонники? У меня есть обязанности перед зрителями! По поручению Института галактических исследований я... заключив договор с Сетью... да вы свихнулись! Ну да, вы просто сошли с ума.

Бросив погасшую сигару на пол, он вскочил с кресла и яростно растоптал ее. Мы понимали обуревавшие его чувства: это нашу идею он попирает ногами. И был прав. В его ситуации нельзя отказываться от своих прав только потому, что рабочая

подготовительная группа не обеспечила условий для съемок. Ведь он исполнял свой долг образцово: преодолел шеститысячный рубеж, торжественно сообщил об этом историческом событии человечеству, теперь вот готовится к приземлению на планете — как бишь ее... ах, да, Трувия. Какое ему дело до трудностей, которые нарушают нормальную работу выездной группы?

— Я полагался на вас, Ламач. Ваша команда меня никогда не подводила. Потому я вас и выбрал, ясно? Если б я знал, что вы сорвете трансляцию, выбрал бы других, хотя бы Тройку.

— Тройку? Да они дилетанты!

— Пусть дилетанты, зато они не посадили бы меня в такую лужу, как вы.

— Мы вас в лужу не сажали. Вмешались высшие силы...

— Никакие силы меня не интересуют! Мое право остается за мной. Вы себя зовете Профкомандой, дорожите профессионализмом. И я тоже. Как профессионал, я выполняю свои обязанности перед зрителями независимо от того, верен закон Иоганссона или нет. Зарубите себе это на носу, голубчики, Мы еще не на Трувии. У вас есть шанс исправить положение и доказать, что вы и впрямь Профкоманда.

Ирка Ламач, красный, как рак, выдавил из себя:

— Мы вас не подведем.

— Это я и хотел услышать, — торжественно произнес коммодор. — И я не разочарую зрителей. Обещаю вам.

Даже оставаясь в трусах и майке, он обрел прежнее величие. С экранов на обтянутых бархатом стенах горели огни и бушевали космические бури, цифры пульсировали на дисплеях в ритме сердца. Нельзя не преклоняться перед человеком, управляющим всем этим. Хотя вообще-то Фукуда никак не касался управления «Викинга». Это слишком серьезное дело, чтобы поручать его человеку.

Коммодор кивнул нам головой в знак окончания аудиенции. Смущенно простившись, мы вышли.

И вот мы снова в тени нашего «Поросенка», в режиссерском кресле восседает Вир III, рядышком Петр Манфред.

— Как дела? — спросил отщепенец, отводя взгляд. Я крепко сжал губы. Если не знаешь, что сказать, надо молчать. Посмотрев на Ирку, я увидел, что и он в растерянности. Легко Фукуде отстаивать свои права на борту галактического крейсера, а каково нам, отданным во власть необъяснимой мощи Вира III и его людей? Если они нас перевернут вверх тормашками, еще ничего. Можно сказать, легко отделаемся. Я затрясся, и Ирка тоже. Так мы мялись, пока Алена не сказала:

— Взвесив ситуацию, коммодор Фукуда отказался от участия в передаче.

— А вы откуда знаете? — недоверчиво спросил Манфред. — Я желаю услышать это от вашего шефа!

Птица, захлебываясь, переводила. Казалось, король Вир III развлекается. Его свита образовала неподалеку грозную живую стену. Стояла тишина, лишь знамена плескались на ветру.

— Алена говорит правду: коммодор Фукуда не будет препятствовать, — подтвердил Ирка. Я в ужасе воскликнул:

— Шеф, но ведь коммодор Фукуда...

Он даже не взглянул в мою сторону. Я ничего не значил для него.

— Я режиссер передачи, то есть главное лицо на съемках — конечно, после вас, Ваше Величество, — Ирка поклонился королю. Тот, выслушав перевод, в свою очередь, вежливо кивнул. Я хотел протестовать. Что значит этот опереточный королишка по сравнению с Йоширо Фукудой — коммодором Института галактических исследований! Шеф должен опомниться, Но он неумолимо продолжал:

— Мы руководствуемся единственным законом: обеспечить передачу любой ценой! Приказываю поэтому подготовить трансляцию встречи патруля Института галактических исследований с первыми инопланетянами. Это историческое событие: отныне не действует закон Иоганссона об уникальности человеческого интеллекта в космосе.

Тут я отважился вмешаться:

— А не подождать ли коммодора, шеф? Господин король, вам необходимо встретиться с настоящим патрулем ГИ, с коммодором Фукудой. А господин Манфред ничего общего с ним не имеет, это обыкновенный...

— Не перебивайте режиссера! — обрушилась на меня Алена.

— Еще слово, и я вычеркну вас из платежной ведомости! — взорвался Ирка Ламач, сжав кулаки. Вир III и подданные с интересом прислушивались к ссоре землян. Ничего себе, посланцы рода человеческого, думали они, наверное. А Петр Манфред, негодяй из негодяев, лишь иронически улыбался. Хорошо, сказал я себе, промолчу. Хотя мне противно. Мой шеф и воспитатель, сделавший из меня профессионала, на моих глазах предал принципы нашей Профкоманды, предал Фукуду, которому совсем недавно дал слово, предал зрителей. В первый раз он сдался. Что могло заставить нас так резко изменить сценарий передачи? Разве мы не воевали с кремниевыми стоножками? Однажды пришлось даже переместить орбиту одной небольшой планеты и сбросить последнюю на местное солнце, чтобы получить нужный драматический эффект. Мы губили целые виды животных на одних планетах и вызывали их к жизни на других, выносили адские муки на дне аммиачного моря, терпели жару, радиацию и пронизывающий до костей холод. И все ради успеха передачи. Никто не жаловался. Зачем же теперь сдаваться только потому, что пал закон Иоганссона и местный чудаковатый монарх упрямится? Признаю, он владеет техникой перемещения материальных тел в космосе без космических аппаратов. Но ведь «Викинг», если только Фукуда захочет, превратит Трувию в туманность! Вот это надо объяснить Виру III. Подождем Фукуду и раздадим этих опереточных героев.

Такие мысли пронеслись у меня в мозгу, пока я вполуха слушал Ламача. Лишь услышав свое имя, вздрогнул.

— Руководителем трансляционной группы назначается мой ассистент Иржи Чутта. Я остаюсь здесь, со мной — часть штаба: Ондра Буриан, Алена Ланхаммерова, Эва Элефриаду и Ярда Боухач. Остальные переходят в распоряжение Иржи Чутты.

— Почему вы не хотите быть режиссером передачи? — строго спросил Манфред.

— По двум причинам. Во-первых, моя гордость не позволяет мне сотрудничать с вами, Манфред. Да и вы не особенно стремитесь к этому. Во-вторых, мне надо встретить Фукуду. Я знаю его характер, в последнюю минуту коммодор может передумать, и только мой авторитет может подействовать на него. Ондра, Алена и Эва — старые приятели Фукуды и помогут мне. А что касается Ярды Боухача... Радуйтесь, Манфред, что он не будет с вами, я за него не ручаюсь, когда он в ярости. Итак, я полагаюсь на тебя, — Ламач повернулся ко мне, — обещаю, что сделаешь все необходимое. Я тебя всему научил и знаю, что тебе по силам снять передачу, которая понравится зрителям. Если справишься с заданием, добьюсь, чтобы тебя назначили оператором!

— Ладно, шеф, — ответил я, — профессионал работает с полной отдачей, даже когда работа ему не по душе.

Мы обменялись рукопожатием. Я смотрел ему в глаза, понимая, какую ответственность он возлагает на меня. И меня охватило желание как можно лучше сделать передачу, хотя она не будет иметь ничего общего со сценарием. Это не в наших правилах, но сейчас лучше не думать о правилах.

Выяснилось, что Вир III — симпатяга, да и Петр Манфред — вполне сносный человек, когда добьется своего. Подготовительные работы начались в полдень. Ламач распорядился захватить необходимый материал из аварийного склада. Очень верное решение: там были новехонькие камеры и записывающие системы в plombированных железных ящиках. Осветительную аппаратуру и грим мы не взяли, потому что Ламач считал лишним использование световых эффектов и грима при такой зрелищной сцене, как встреча представителей двух разумных рас. Король интересовался нашей аппаратурой. Птица-переводчик, совершенно измощенная, скрипела без остановок. Я непременно составил себе впечатление о планете Трувия. Вир III — один из многочисленных монархов, правящих на ней. У каждой страны своя задача на планете. Судя по всему, подданные Вира отвечали за перевозки пассажиров и грузов, осуществляемые с помощью силы, которую на Земле зовут телекинезом. Монарх не смог объяснить природе своей способности перемещать материальные тела без помощи технических средств. Наоборот, Вир засыпал меня вопросами о двигателях нашего корабля и «Викинга». Я отослал короля к Венце Мадру, но и тот оказался бессилем!

— Видите ли, король, эту машину сделали на фабрике. Я знаю, куда нажимать, чтобы она летела. Если что-нибудь испортится, посылаю ремонтные автоматы. Зачем мне ломать голову по поводу ее устройства?

— Ага, и мы точно так же, — обрадовался король, — я знаю, что надо сделать, чтобы отправить кого-нибудь в космос с помощью силы, называемой врил. Она связана с гравитацией и временем, но конкретно я не представляю, что при этом происходит.

— Между нами большая разница, король. Наши аппараты летают по законам, открытым наукой, а ваши полеты — магия или вроде этого.

— Что такое магия?

— Противоположность науке. Путешествие без затраты сил — это фокус.

— А зачем напрягаться? — удивился король, взлетев над столом, у которого мы сидели. Трудно спорить с королем. Спросив его о птице-переводчике, я узнал, что таких птиц выводят в королевстве Тюринген на берегу Коробадского океана и они знают все языки. В свою очередь, Вир немало удивился тому, что мы научили говорить обезьян. Тут пришел мой черед объяснять, что гориллы остались гориллами, интеллект их кажущийся, ибо это всего лишь параинтеллект. Король не отступался: а что такое параинтеллект, спросил он. Мой ответ: биомикропроцессор, продающийся в колбах и портящийся от жары и радиации, — не удовлетворил владыку. Но мои познания этим и исчерпывались. В общем, с монархом было приятно общаться. Я пытался осторожно выяснить, какие оборонительные средства они могут применить против оружия, находящегося на борту «Викинга». Вир III не понял толком, о чем я говорю, ибо не знал слова «война». Похоже, страны на его планете не воевали друг с другом, во всяком случае, историческая память его рода не зафиксировала подобных событий.

Во время наших бесед я испытывал двойственное чувство. Я был страшно рад, что возглавляю выездную группу и делаю передачу, которая наверняка понравится зрителям. Вместе с тем, меня мучили угрызения совести от того, что мы обманули Фукуду. Какие последствия это вызовет для Сети, нашей Профкоманды, меня самого, наконец? Возьмет ли Ламач вину на себя? Обещать-то он обещал, да ведь он и Фукуде обещал не подводить его. Возьмет и сделает меня потом козлом отпущения. Нет, я не должен сомневаться в нем, ведь это мой учитель. Да, но он всего лишь человек. У него свои слабости и свои достоинства. Вдруг он позазидует моей режиссуре, увидев, что нет незаменимых людей? Такие мысли усиливали мою ненависть к Петру Манфреду. Это он виноват в расколе Профкоманды. Втерся в доверие к королю, испортил все дело.

К счастью, времени предаваться размышлениям не оставалось. Работы было по горло. Пока король с придворными осматривал наш корабль, я грузил материалы. Сначала я намеревался использовать наши дископланы, но король предложил свою помощь. По его приказу солдаты — или слуги, толком не знаю, — образовали живую цепь от дверей склада, находящегося в космолете, до края посадочной площадки. Встав на расстоянии пяти метров друг от друга, люди короля застыли и лишь провожали взглядами ящики с реквизитом, проплывавшие по воздуху и сами собой укладывавшиеся в аккуратную пирамиду. Когда все было готово, моя группа попрощалась с Иркой Ламачем, Венцей Мадром и остальными, ожидавшими прилета «Викинга». Я пожелал Ламачу самообладания при встрече с разъяренным Фукудой. Король сердечно попрощался, и мы отправились в путь.

Как я и предполагал, шестиногие кони служили всего лишь декорацией и одной из многих принадлежностей парадной формы, так же как развезающиеся плащи и разноцветные перья на шлемах. Пехота вновь построилась и поплыла, не касаясь ногами травы. Все молчали, только голубой носорог ревел, да Ян

с Амосом и Коменским радостно визжали. Король, Манфред и офицеры гарцевали на конях, пока космолет не скрылся из виду. Тут они с явным облегчением спешились. Коня же мгновенно воспарили над землей и злобно заржали, ухлывая в хвост экспедиции — за пирамиду из моих ящиков, торжественно скользивших по воздуху вслед за воинами. Наша группа сбилась в кучу. Сначала мы шли пешком рядом с конниками, но, когда те избавились от скакунов, король заметил, что мы ступаем по земле. Мы тут же взлетели. Надо сказать, первые минуты были не из приятных. У меня началось головокружение, да и друзья сильно побледнели. Через переводчика король уверил нас, что все скоро пройдет. Он оказался прав: путешествие по воздуху было необычайно приятным. Напоминает состояние невесомости без признаков космической болезни. Гравитация продолжает действовать, и вы не теряете ориентации. Просто ощущаете внутреннюю силу, которая движет вами. Однако у меня мелькнула мысль, что Вир III поставил нас в унижительное положение тем, что несет нас, как пакеты или как несчастных шестиногих коней, напрасно ерепенившихся где-то за нами. Я попытался изменить направление, и это удалось! С этой минуты ничто не омрачало моей радости, доставляемой здешним способом передвижения. Друзья стали подражать мне, и вскоре мы весело сновали туда-сюда вдоль процессии, которую это очень развлекало. Перестав стесняться, мы обнаружили, что можем принять любое положение в воздухе — даже сесть или лечь, — и начали проделывать номера, вроде того, когда уселись в кружок на лету. Король засмеялся и присоединился к нам, остальные, включая Манфреда, сохраняли напыщенный вид. Манфред демонстративно не замечал нас, и было ясно, что он ревнует короля, что ему не по душе наше сближение с монархом.

Местность вокруг постепенно менялась. Небо становилось голубым, белые кудрявые облачка украшали его, ведь ямниты научились управлять погодой, и дождь шел только по ночам. Холмы, между которыми мы приземлились, словно таяли и превращались в пригорки, покрытые сочной зеленой травой. Появились первые строения — полупрозрачные, расставленные тут и там с нарочитой небрежностью. Ведь здесь в строительстве использовались те же антигравитационные силы, на которых основывались и перевозки. Местные архитекторы не знали, что такое статика, и фантазия их была беспредельной. Ямниты жили в домах, составленных из легко перемещаемых секций. Они меняли расположение домов с такой же легкостью, с какой мы меняем одежду и обувь. Остановившись на вершине холма, король махнул рукой вперед:

— Трасмадом!

Перед нами расстилалась столица его королевства. Это был невероятно высокий небоскреб, достигающий облаков. Он напоминал стеклянное дерево с мощным стволом, обсыпанным слепившимися хрустальными пузырьками всевозможных форм, сужавшимися внизу и не касавшимися земли. Хрустально-чистый, прозрачный, вытканый серебряными жилками и переливающимися звездами. Крона раскинулась более чем на сто метров. Кристаллы, пузырьки, мотыльковые крылья дрожали на его вет-

вах от дуновения ветерка, приносившего запах полевых цветов. Казалось, дерево на глазах приобретает новые очертания.

Король объяснил нам, что в Трасмадоме живет лишь высшая административная прослойка. Бюрократический аппарат постоянно менялся, и чиновники по мере продвижения по служебной лестнице получали в соответствии с точными инструкциями новое место жительства и кабинет. Из слов скрипучего переводчика я уяснил, что свободно передвигающаяся в пространстве Трувня необычайно закоснела в обычаях, этикете, привычках и моде. По мере приближения к городу я обдумывал план великолепной передачи. Меня осенила идея. Я сделаю самый сенсационный ролик в истории пластивидения! Когда до столицы осталось не больше километра, мы поднялись повыше и набрали скорость. Ветер ударил в лицо. Облако хрустальных пузырьков росло, слышались звуки фанфар, заплескались знамена. То, что мы издали приняли за пыль, оказалось скоплениями людей. Они кружились в воздухе, кричали и махали нам руками.

Город обрушился на нас своим шумом, теплом, запахами. Словно уста великана, открылись городские ворота, оскалились и исчезли за ними страшные пасти хищников, стороживших вход в город, пурпурные краски били в глаза, в ухах стоял гром фанфар. Я перестал ощущать острые когти птицы-переводчика, которая заразилась общим возбуждением, бросила переводить и кричала изо всех сил. Воины, контейнеры с грузами и шестинogie кони куда-то исчезли, мы остались с Манфредом, королем и его офицерами. Какой-то сановник в черном бархатном плаще, с серебряной цепью и знаком на груди произнес речь и ввел нас в огромный зал, где горели свечи, дамы склонялись в глубоких реверансах перед королевским величеством, а кавалеры торжественно били железными перчатками в золотые нагрудники. Обряд приветствия длился утомительно долго, и когда он наконец закончился, его сменил роскошный пир, на котором выступали музыканты и танцовщицы. Трувийская музыка напоминала нашу восточную, танцовщицы заполнили весь огромный зал, и церемониймейстер вдохновенно объявлял номер за номером. Мы не знали, что делать: смотреть на зрелище или предаваться гастрономическим излишествам. Король был большой гурман и отдавал явное предпочтение радостям желудка. Петр Манфред сел по левую руку владыки. За весь пир он не обменялся с нами ни словом.

У меня роились грандиозные замыслы. Король сначала весьма удивился, узнав о предполагаемом сносе столицы. Я объяснил:

— Ваше Величество! Первое знакомство с Трувией на экранах пластивидения должно ошеломить зрителей всех восьмидесяти шести планет нашей системы, ибо только так можно отразить величие вашей культуры и твою силу, о король.

Лесть движет миром. Король сломался, хотя еще возражал:

— Вы, наверное, думаете, что наш способ передвижения достался нам задаром. Это не так. Залежи врилы спрятаны в недрах нашей планеты, и королевство Сивма занимается добычей и обработкой редкого ископаемого...

Но я стоял на своем. Неожиданно вмешался Манфред, и это решило дело. Вскоре птица проскрипела:

— Король согласен. Город будет разобран.

Я поблагодарил Петра за помощь:

— Кстати, как тебе удалось обвести Его Величество вокруг пальца?

— Сам не знаю. Чистая случайность. Когда мы приземлились, я слонялся без дела, так как шеф не дал мне задания. Поднимаюсь на холм, и вдруг на меня бросаются двое. Взрываю вверх и лечу, как воздушный шарик. Приволокли меня в город, исследовали, потом принесли птицу-переводчика, и я чуть не свихнулся, когда она заговорила по-нашему. Видимо, с помощью телепатии они вытянули из меня данные о языке и вдолбили птице в голову. Привели к королю. Тот был в полном восторге, узнав, кто я и откуда. Мы — первые гости из космоса, соизволившие посетить их планету, представляешь? Закона Иоганссона они не знают, но и сами не думали, что в космосе существует еще какая-нибудь цивилизация. Вся штука в том, что я — первый встреченный ими землянин. Вбили себе в головы, что я — главный, попробуй разубеди их!

Я подумал, что Манфред не особенно пытался разубедить ямнитов. Вспомнив о Фукуде, я разозлился.

— Интересно, что с Фукудой, — заметил я как бы невзначай.

— Приземлился сегодня утром и бесится.

— А ты откуда знаешь?

— У короля свои источники информации.

Достаточно Фукуде пять минут поговорить с королем, и тебе конец, подумал я. Вир III понял бы, кто истинный герой космоса и кто тщится подражать орлу, будучи лягушкой.

На другой день мы принялись за работу. Я разместил штаб на невысоком пригорке возле Трасмадома. Тяжело мне было снимать и ставить одновременно, но и преимущества налицо: никто не лезет, не командует. Я — главный! Какое ощущение силы и творческого подъема!

По приказу Вира III Трасмадом развалился. В ярких лучах солнца, точнее Мороны, как называли свое светило ямниты, бесшумно разлетались в стороны модули города. Захватывающее зрелище. Разные по размерам и форме модули, живущие каждый своей жизнью, радостно плыли в пространстве. В кажущемся хаотическом полете их ощущались, однако, упорядоченность и ритм, соответствовавший музыке и танцам здешнего народа. Я снимал документальные кадры с тайной мыслью продать их чудачкам из Института галактических исследований. Ондра подскажет, к кому обратиться. Я наблюдал за величественным распадением столицы, в ушах звенела ямнитская музыка. Нет, они не знают ритма в нашем понимании. Откуда им знать, если даже ходьбу — глубинную основу нашей земной музыки — они считают церемониальным обрядом, а не способом передвижения!

Вскоре город исчез, и посреди зеленых прерий осталась золотая колонна с площадкой наверху. Там, на высоте восьмисот метров, находилась резиденция Вира III. В бинокль мне удалось разглядеть его пурпурный трон. Оттуда маленькая фигурка махала нам рукой. Король отверг рацию, уверяя, что птица позаботится о связи. Должно быть, ямниты в самом деле используют телепатию, так же как телекинез и пространственное проецирование.

— Вы готовы, Ваше Величество? — закричал я.

— Готов, — проскрипела птица.

— А ты, Петя? — спросил я по рации.

— Готов, — сдавленным голосом ответил Манфред.

— Звук?

— Запись готова, — доложила Петра Плавецка.

— Видео? — И Люда Мисаржова кивнула.

— Камера готова, — отрапортовал я сам себе. Порядок есть порядок. — Начали!

На зеленом поле переливалась золотая колонна. Морона стояла прямо над ней. Часть неба я отфильтровал, так что Морона казалась гигантским прожектором, лившим потоки золотистого света на плоскую вершину столпа. Его Величество Вир III торжественно поднялся с трона. Раздались звуки ямнитской музыки, нежные, как туманные испарения. Вступали все новые инструменты. Зазвучала тема напряженного ожидания кульминационного события. Из ослепительного шара Мороны вынырнул дископлан. Маленькая серебристая точка, опускаясь, быстро увеличивалась в размерах. Зритель, приготовившийся увидеть галактический корабль, будет удивлен. Но вся эта передача — цепь сюрпризов. Дископлан завис у вершины, метрах в десяти. И тут я доказал, на что способен. С помощью ямнитской антитехнической техники я наезжал на башню — причем вся съемочная аппаратура поднялась в воздух на километр и атаковала объект, как ракетный истребитель. Эффект был потрясающий. Только теперь зритель пластивидения поймет, насколько высока башня и над какой пропастью помещен трон короля страны Прааль.

— Открой люк и покажись, Петр.

Он повиновался. На нем была парадная форма астронавтов — черная с золотыми звездами. Выглядел в ней Манфред изумительно, и я впервые подумал, что из него, пожалуй, мог бы выйтк толк.

Для следующего трюка нужно было немалое мужество. А вдруг Манфред запнется у выхода? Под ним — пропасть в восемьсот метров глубиной. Пейзаж развернут, как ковер. Вот и настал момент истины. Если бы Петр замешкался, все пошло бы насмарку. Зритель захохочет. Это фиаско: хохочущий зритель в драматической ситуации. Но Манфред сохранял невозмутимость средневекового рыцаря. Выпрыгнул! Бросился в пустоту, слепо доверяя искусству ямнитов. Король явно отобрал лучших своих людей для обеспечения передачи. Они построили между дископланом и вершиной башни невидимый мост. Петр шел над пропастью, а мне хотелось кричать от радости, потому что такого успеха пластивидение еще не знало. Бедняга Ламач лопнет от злости и зависти, увидев в титрах: режиссер и оператор Иржи Чутта.

Король воздел к Петру руки, и тот, приблизившись, сжал их.

— Повернитесь лицом к камере и смотрите друг другу в глаза, — скомандовал я, одновременно давая знак королевским телекинетикам. Аппаратура стала стремительно снижаться. — Быстрее, быстрее!

Зритель переживает потрясение: башня буквально отскочит от него, одновременно дископлан исчезнет в зените. Именно в

этот момент телекинематики начнут заново строить город. В кадре панорамой расстился серебристый туман. Зритель примет его за испарения, а на самом деле к площадке приближались десятки тысяч модулей. Музыка загремела, модули усыпали небо, словно звезды. — Быстро назад! — И мы летели обратно к башне, а модули рассыпались веером. Кристаллы, пузырьки, мотыльковые крылья стремились к башне, как пчелки в улей. Иногда модуль попадал в кадр, и незнакомые лица смотрели на нас сквозь полупрозрачные стены. Неподвижные и смеющиеся, внимательно-настороженные и озабоченные. Секунда — и модуль улетел, и снова открылся вид на россыпи модулей, соединявшихся и распадавшихся в пути, так как каждый летел со своей скоростью.

По лбу катился пот и слепил глаза. Скулы ныли, потому что я крепко сжал зубы. Пока все идет хорошо, пока... Успех зависел от последней сцены. Телекинематики обещали оставить отверстие в здании-городе, чтобы мы могли снимать Манфреда с королем внутри. Но для этого надо обладать прямо-таки сверхъестественным чувством пространства. Кто же разберется в окружающем хаосе? Но они разобрались! Город был почти полностью достроен, запоздавшие кристаллические соцветья спешили издалека. Через отверстие мы наблюдали, как в зале для приемов король с Манфредом, повернувшись к камере, выразительно жестикулировали. Сцена будет снабжена комментарием диктора во всех студиях всех восьмидесяти шести планет, охваченных Сетью.

Мы быстро сняли сцену аудиенции, без репетиций, той же камерой, какой снимали только что в двенадцати километрах отсюда. Я лопался от гордости. Такого пластивидение еще не знало. Потом король представился нашим зрителям, произнес занудную речь, синхронно переведенную птицей. Здешний аналог пластивидения показал свою программу, составленную из банальных сюжетов о красотах природы и столиц остальных государств Трувии. Эта часть передачи меня не устраивала, так как я знал вкусы наших зрителей, но Вир III настоял на своем. Заключительная сцена получилась лучше. Я уговорил короля показать выступления танцовщиц и танцовщиков и снял балет не хуже Ондры Буриана. Король с Манфредом завершили передачу, длившуюся тридцать минут — максимальное время, отведенное для трансляций из космоса. Думаю, мы заслужили это тем, что нарушили закон Иоганссона.

Колени подо мной подгибались, девушки выглядели, как после турпохода, но мы встряхнулись, поблагодарили друг друга, в то время как к нам по воздуху плыли сосуды с вином и сладостями. Люда показала королю видеозапись передачи — она была великолепна. Мы поздравляли короля, а Манфред, потрясенный, не мог произнести ни слова и лишь улыбался с отсутствующим видом. Думал, наверное, что теперь-то путь к капитанским погонам, униформе астронавта и Бриллиантовым Орлам открыт. Вир III что-то говорил, но мы не понимали ни слова, так как птица охрипла, потеряла голос и теперь грустила в углу. Я узнал от Манфреда, что Фукуда улетел обратно, видимо, жаловаться. Мне стало жарко. Наша Профкоманда нарушила инструкции. Фукуда летел зря. А ведь такой полет за

границу шести тысяч парсеков стоит бешеные деньги. Если нас заставят платить, даже наши правнуки не рассчитаются. Отвечает за все, конечно, режиссер, но и я влип, ведь я же его ассистент и вдобавок снял другую передачу. Но вскоре тревоги оставили меня: будь что будет!

Вечером король предложил проведать наш корабль и посмотреть, чем занят Ламач и его команда. Оказалось, они не тратили времени впустую. Венца Мадр ухитрился ликвидировать ненужные горы и покрыть местность парабактериальным пластиком. Издали трава казалась по-прежнему сочной и свежей. Носорог, с которого сняли краску, убежал к своим, из Яна, Амоса и Коменского вынули параинтеллект и превратили обратно в обезьян. Бурная выдалась ночь. Из Трасмадома валом валили гости, многие прямо в жилищах. Наш первый сопровождающий научил человеческой речи целую стаю птиц, и у каждого из нас теперь был личный переводчик. Что творилось в ту ночь! Отдельные картины мелькают в моем мозгу. Помнится, я учил ямнитов приемам дзюдо, вел серьезные беседы с местной красоткой, потом где-то заблудился, и обратно меня привела одна из обезьян: то ли Ян, то ли Амос. К утру я уснул как убитый. Проснулся только в полдень. Наша аппаратура уже была доставлена из Трасмадома на корабль. Гости вернулись домой, остался лишь король со свитой. Близился момент трогательного расставания. Мы получили щедрые королевские дары — хрустальные шары. Но отнюдь не в качестве пресса для бумаг. Шарик нужно зарыть в землю, и из него вырастет дом с восемью комнатами. Король извинился за то, что модули будут неизменяемыми. Впрочем, дальнейшие встречи помогут решить и эту проблему. Похоже, он не сомневался в том, что мы вернемся на Тривию. Бедняга не знал главной заповеди пластивизионщиков — никогда не возвращаться на место съемки. Зритель хочет видеть новое, он порядком избалован.

Ни с того ни с сего король вдруг повернулся к Манфреду и через переводчика сказал ему:

— Я полюбил тебя, как родного сына. Остайся с нами, Петр, хоть ненадолго.

Манфред колебался. Я понимал его сомнения. Дома его ожидает триумф, слава, через десять лет он станет капитаном, потом коммодором и будет регулярно появляться на экранах пластвидения. Но ведь Вир III предлагает ему нечто вроде посольской должности, и по мере развития отношений с Тривией его положение будет упрочиваться. Трудный выбор! Наконец Петр решил остаться. Король был счастлив, плакал от радости и обнимал друга.

Мы вошли в корабль, король со свитой и Манфредом отошли за холм, откуда они намеревались наблюдать за стартом, в котором не было ничего величественного. Наша развалина содрогалась, будто пришел ее последний час. Наконец мы одни.

— Что сказал Фукуда? Бесился? Угрожал? — спросил я.

— Не говори о нем. Чертов Фукуда. Я сыт им по горло. Меня тошнит от него. Ну и досталось же нам!

Я оскорбился, что они не интересуются моей передачей. Слабоваты нервишки у шефа. Или он боится возвращаться домой? Неприятности, лишение премии, возможно, увольнение, если не

суд. Холостой полет «Викинга» — не шутка, органы этого так не оставят.

— Я иду на боковую, — сказал Ламач, — разбудите меня, когда пересечем шеститысячную. Начнем трансляцию. Техника, надеюсь, в порядке? — Он обращался к Люде, даже не пожелав увидеть нашу программу. Еще бы — догадывается, что слава достанется мне, а не ему. Настроение на борту «Поросенка» было мерзкое. Я лежал в своей каюте, натянув одеяло на нос, и лениво размышлял. Ну и что, если даже выгонят? Вернемся на Трувию, заведем там пластивидение. И года не пройдет, как станем звездами первой величины. Спал я плохо. Разбудил меня назойливый сигнал из репродуктора. Мы пересекли границу шести тысяч парсеков. Сейчас начнется трансляция. Я умылся, натянул парадную форму. Смешно, конечно, но хочется встретить славу в приличной одежде. В зал для просмотров в командирском отсеке я явился в последнюю минуту, как делают все режиссеры. Все уже собрались, только Ирка Ламач пришел на секунду позже меня, чтобы испортить мне торжество. Но я великодушно промолчал. Стояла тишина, экран ждал, по дисплеям скакали цифры. Как только они выстроились в радующий глаз ряд — 6000 — в репродукторах проквакали позывные ГИ, экран потемнел, из этой пластивизионной ночи вынырнули мириады звезд, похожих на огоньки далекого города. У экранов восьмидесяти шести планет Системы застыли в эту минуту миллиарды людей. Какой восторг, ликование начнется, едва они узнают, что не одиноки во Вселенной! Закон Иоганссона перестал действовать! Появились титры. У меня пересохло во рту. На экране я прочел: «Эксперимент на Третьей планете. Режиссер — Иржи Ламач». У меня помутилось в глазах. Но это было всего лишь начало. Экран показал дикую красоту ущелья. С одной стороны — отвесные скалы, с другой — пропасть. Бледно-голубой носорог хмуро скакал по камням, поглядывая на фиолетовый горизонт. Приземлился «Викинг». Фукуда вышел. Он был в фантастической форме, надо отдать ему должное. Он спас Яна, Амоса и Коменского от дикого носорога, швыряясь в него обломками скал. В самый драматический момент, когда Фукуду придавило огромным камнем, обезьяны принесли ему рацию, якобы ненароком оброненную им, и коммодор смог вызвать на помощь автоматы. Носорог удрал, Фукуда подарил обезьянам коробочку леденцов, и те завизжали от радости, облизываясь и хлопая в ладоши.

— В комментарии из студии говорится о том, что коммодор Фукуда обнаружил на планете существа, внешне похожие на людей, — сказал в темноте Ламач, — так что с законом Иоганссона все в порядке.

Обманули меня... предали ямнитов, Вира III, Манфреда, скормили чернуху людям у экранов — проносились в голове обрывки мыслей. Я крикнул:

— Это свинство! Закон Иоганссона неверен!

— Но он должен действовать, — ответил Ирка, — это же проверенный на практике объективный закон. И еще один закон действует в нашей Профкоманде: передачу надо снять во что бы то ни стало. Так что никаких разговоров!

Он покраснел от злости. Я чуть не бросился на него с кула-

ками. Все ясно. Моя работа в Трасмадоме была для отвода глаз. Ламач сделал из меня идиота, а я одурачил остальных ямнитов.

— За профессионализм в работе надо платить, — изрек Ирка. Да, передача была сделана профессионально.

Вскоре после возвращения на Землю нас вызвал Совет. Незнакомый строгий человек сказал:

— По поручению Совета я награждаю вашу группу орденом Бриллиантового Орла за выдающиеся заслуги в области галактических исследований, — начал он. Его речь длилась долго. Закончил член Совета так: — Высокая награда обязывает. Прежде всего — молчание и скромность. Ответственный работник Сети получит орден на хранение. А вы подойдите к столу. Вот подписка о неразглашении тайны. Никто не должен знать о случившемся на Трувии. Это вызвало бы панику среди населения, вы сами понимаете...

На следующий день я уволился. Чтобы забыть о прошлом, мы с Милушкой уехали из города на побережье. Я устроился в вычислительный центр, стал чинушей и не вспоминал о космических трансляциях.

Так прошло полгода. Закон Иоганссона по-прежнему действовал, но передачи из космоса прекратились по неизвестным причинам. Галактика исчезла с экранов. Зрители и не заметили, а я сразу понял, что начались перемены. И вскоре в один прекрасный день ко мне в ВЦ явился элегантный господин.

— Я — сотрудник Института галактических исследований, — представился он, — вы нам очень нужны.

— Чрезвычайно интересно, — грубо сказал я, но он прервал меня:

— Прошу вас, забудьте о личных обидах. Ситуация серьезная. Все нуждаются в вас. Я, конечно, могу приказывать вам следовать за мной. Но я полагаюсь на вашу добрую волю.

И я пошел с ним. На улице собралась толпа, потому что стратоголайдер этого важного господина сел прямо на водную поверхность. Такого каждый день не увидишь. Но то было лишь началом сюрпризов. Всю дорогу мы молчали. Теперь я знаю, что он охотно пояснил бы, что к чему, но я вел себя, как идиот. Держался гордо и неприступно. Мы прилетели в столицу. Добрались до здания Сети. Прошли по лабиринту коридоров и лестниц. Все тут изменилось, и люди были новые. Я не встретил ни одного знакомого лица! Мы без стука вошли в кабинет директора. У журнального столика сидели Ондра Буриан, Ирка Ламач, еще несколько человек из нашей Профкоманды и пять-шесть элегантных молодых людей, среди них и совсем молоденькие девушки. Ондра Буриан встал и протянул мне руку.

— Привет, Иржи. Садись. Переходим к делу. Помнишь материалы, которые ты снимал для чудаков из Института галактических исследований? Тайком?

Я вздрогнул. Ондра попался, и меня привели в качестве свидетеля. Ну уж нет, выдавать друга не собираюсь. До такого Профкоманда еще не опускалась.

— Ничего не помню, — твердо ответил я.

— Не дури, это же они и есть, — Ондра показал на весело улыбающуюся молодежь за столом, — ты знаешь, кто они те-

перь? — голос его звучал почти торжественно. — Тор Рид — президент Академии галактических исследований; Нина Лесечкова — директор Института планирования дальних космических полетов; Йоширо Сакурагава — управляющий персональным отделом ГИ, у него под началом все коммодоры. А вот... — Ондра показал на Ламача, — новый директор Сети.

— Совет решил? — прошептал я.

— Да, Совет решил, — подтвердил новый президент, — Совет вместе с новым руководством Академии галактических исследований и при участии ваших друзей выработал план устранения недоразумения, которое имело место на планете Трувия. Взвесив все обстоятельства, мы пришли к выводу, что главную роль в предстоящих дипломатических переговорах должны сыграть вы.

И вот я сижу в роскошной кабине галактического крейсера класса «Садко». В командирском отсеке хозяйничает Венца Мадр. Наконец-то дождался новой машины! Теперь управляет небольшой командой из автоматов и с нежностью вспоминает о старом добром «Поросенке». Только что пройдена граница шести тысяч парсеков. Венца готовится к посадке. На Трувии знают о нашем прибытии. Послали своего штурмана, чтобы помочь Мадру. Точнее, телепортировали к нам на корабль.

А я стал дипломатом. Сижу за столиком из красного дерева и рассматриваю верительные грамоты. В моем представлении дипломаты ведут себя примерно так. В грамотах говорится, что я представляю Совет и ни перед кем не отвечаю за свои решения. Даже страшно становится. Второй документ должен облегчить ход переговоров.

— Надо привлечь на свою сторону Петра Манфреда, — настаивал президент на первом же совещании, — это полезный для нашего дела человек. От него зависит успех.

Второй документ — удостоверение коммодора. Незаполненное, но с печатью. Президент инструктировал:

— Подавайте дело таким образом: будет сотрудничать с нами — сделаем его коммодором. Подействует. Петр Манфред болезненно честолюбив. Изучив всю имеющуюся информацию о нем, мы пришли к выводу: больше всего на свете Манфред мечтает о форме коммодора. За этим удостоверением он пойдет куда угодно.

Ловко. Хитроумно. Так и поступил бы профессиональный дипломат. Но с меня хватит профессионализма. Меня воротит с него. Я вытаскиваю из кармана ручку и каллиграфическим почерком заполняю удостоверение на имя Петра Манфреда. Подкрадывается сомнение: правильно ли я поступил? Но из репродуктора доносится голос Мадра:

— Приближаемся к Трувии. Посадка через десять минут. Ни пуха тебе ни пера, старый черт!

Я подошел к зеркалу и внимательно осмотрел парадную дипломатическую форму: черную с золотыми солнцами. Все в порядке, и шпага в ножнах — там, где ей полагается быть. И этот осмотр — часть дипломатического профессионализма. Профессионализма?! Нет. Обыкновенной человеческой порядочности и воспитанности. Я же собираюсь в гости, надо выглядеть прилично!

Перевела с чешского Тамара ОСАДЧЕНКО

ОНДРЖЕЙ НЕФФ — чешский писатель-фантаст. Родился в 1945 году. В 1985 году увидел свет сборник его рассказов. Известен своими литературоведческими работами в области НФ («Универсальный мир Жюль Верна», «Три эссе о чешской НФ» и др.). Переводы произведений Неффа включались в сборники «День на Каллисто» и «Весь свет», публиковались в периодике.

